

11. Пирс Ч. Прологомены к апологии прагматизма // Пирс Ч. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. С. 219–287.
12. Пирс Ч. С. Рассуждение и логика. М.: РГГУ, 2005. 371 с.
13. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки по герменевтике. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
14. Фреге Г. Логические исследования // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов М.: Аспект ПРЕСС, 2000. С. 286–374.
15. Фреге Г. Размышления о смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов М.: Аспект ПРЕСС, 2000. С. 286–374.
16. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский Дом, 2004. 241 с.
17. Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФРАН, 2002. 235 с.
18. Lévinas E. Humanisme de l'Autre homme. Montpellier, Fata Morgana, 1987. 122 p.

**Детские дневниковые записи как объект
культурологического исследования в фокусе
универсальной герменевтики Фридриха Шлейермахера**

Суворкина Е.Н., Рязань

канд. культурологии, зав. сектором систематизации,
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

В статье рассматривается детская дневниковая запись как феномен культуры, качество анализа и интерпретации которого определяет уровень понимания и эмпатии современного читателя. Методологической основой является герменевтический подход, базирующийся, в частности, на концепции универсальной герменевтики Ф. Шлейермахера. Ее языковая, текстовая и переводческая проблематика в контексте искусства понимания находит отражение в коммуникативных плоскостях «ребенок – ребенок», «ребенок – взрослый» культуры детства через потребность преодоления непонимания в процессе перевода с детского языка («детского арго») на взрослый или детский современный.

Ключевые слова: Шлейермахер, герменевтика, понимание, дневники, детские дневники, непонимание.

E.N. Suvorkina, Ryazan

**Children's diary records as an object of cultural research
in the focus of F. Schleiermacher's universal hermeneutics**

The article examines the children's diary record as a cultural phenomenon, the quality of analysis and interpretation of which determines the level of understanding

and empathy of the modern reader. The methodological basis is the hermeneutic approach, based, in particular, on the concept of F. Schleiermacher's universal hermeneutics. Her linguistic, textual and translational problematics in the context of art of understanding is reflected in the communicative planes "child – child", "child – adult" of the childhood's culture through the need to overcome misunderstanding in the process of translation from child language ("child argo") to adult or child modern.

Keywords: Schleiermacher, hermeneutics, understanding, diaries, children's diaries, misunderstanding.

В последнее время системная работа с детскими дневниковыми записями (верхняя возрастная граница – 12 лет) стала возможной во многом благодаря интернет-проекту Михаила Мельниченко «Прожито»^{*}, концептуальная основа которого – создание электронной базы дневников жителей России разных лет без выделения приоритетных ввиду понимания ценности каждого. То есть равную значимость имеют воспоминания о прожитом дне ребенка, например, дореволюционных лет, 1960-х гг., 1990-х гг. и пр.

М. Мельниченко в интервью журналу «Родина» (2018, №8) сообщил, что в настоящее время загружено на сайт и доступно для чтения всего больше тысячи ста единиц. Временной охват – с конца XIX в. по 31 декабря 2000 г.; превалируют дневники советского периода [11, с. 43].

С помощью фильтра списка можно задать условия поиска по базе: автор (гендерный признак); возраст (возрастной признак) (шкала представляет собой отрезок, условные конечные точки которого – 6 и 99 лет; две мобильные точки позволяют выбрать требуемый промежуток, период); характер дневника (ролевой и статусный признаки); тег дневника (идентификационный признак) (представлен перечень из 50 тегов).

Для каждого загруженного дневника создан профиль автора, в котором содержится информация о человеке, его статусе на момент ведения записей, указано время их написания. Также приводятся сведения об основных моментах работы с дневником: кем передана рукопись, кто осуществлял расшифровку, набор текста и пр.

Изучение темы детских дневников позволяет наложить следующие условия: автор – оба пола; возраст – 6-12 лет; тег – детский. Результат поиска на 15.09.2018 составил 23 единицы записей [9]. В текстах дневников (за исключением авторизованных) максимально точно воспроизводится специфика аутентичного текста, включающая в том числе допущенные его автором ошибки. В работах детей они, естественно, встречаются чаще, чем у взрослых. Здесь действует тот же принцип, что и при записи фольклорных материалов – максимальное сохранение исходного материала.

---

^{*} Выражаю благодарность М. Мельниченко за информационную поддержку и помощь в работе с сайтом проекта «Прожито».

Как отметил М. Мельниченко, отдельные фрагменты рукописей, содержащие какие-либо некорректные высказывания, по просьбе наследников могут не публиковаться [11, с. 46]. В отношении детских дневников, думается, подобное пожелание не возникает вовсе или появляется редко, поскольку ребенок, независимо от эпохи, в которую он проживает, как правило, далек от политики, экономики, идеологии. Соответственно, в его записях (напомним, возраст ребенка принимаем до 12 лет) оценочные суждения относительно вопросов внешней и внутренней политики страны, религии и пр. сведены к минимуму.

Для успешного изучения феномена детских дневников в целом и выявленных на сайте интернет-проекта «Прожито» при соответствующем подборе и задании совокупности условий применяются, в частности, диахронический, синхронический, историко-генетический и пр. методы. Но наиболее значимым является герменевтический.

Герменевтика в общем понимании слова – это искусство понимания текста в метафизическом значении. Специальные герменевтики (филологическая, теологическая и др.) данное понятие, соответственно, сужают путем наложения специфических, характерных данной области знаний, условий, признаков, свойств и пр. Действительно, например, юридическая герменевтика будет значительно отличаться от философской или искусствоведческой, хотя предмет исследования одинаков.

В XIX веке немецкий философ Ф. Шлейермахер обозначил данную проблему и предложил ее решение через разработку концепции универсальной герменевтики, имеющей предметом исследования – понимание. Именно оно служит неким общим началом продуктивной интерпретации в любой предметной области, а также конечной точкой, которая вместе с тем не совпадает с начальной, образуя все время расширяющийся «герменевтический круг». Если говорить более точно, то субпредмет – это непонимание, которое необходимо преодолеть с целью достижения понимания. Х.-Г. Гадамер в своем труде «Истина и метод» делает более детальное уточнение: не непонимание, а недоразумение [2, с. 232]. При этом, как подчеркивает Х.-Г. Гадамер, заслуга Ф. Шлейермахера состоит в том, что он вывел из разряда случайных процессов недоразумение, определив ему место потенциально возможного, неразрывно связанного с общим процессом изучения чего-либо, но которое следует исключить [2, с. 233]. Таким образом, понимание достигается через преодоление недоразумений.

Ф. Шлейермахер в труде «Герменевтика», который был составлен из его отдельных лекций и работ уже после смерти, ввел несколько классификаций непонимания. Во-первых, положительное и активное (второе основывается на личной предвзятости, субъективности, что приводит к ложным выводам, лишенным основания) [10, с. 63]. Во-вторых, формальное (количественное – нарушение соотношения силы воздействия и значимости элемента речи) и материальное (качественное – нарушение связей элементов речи) [10, с. 62-63].

Кроме того, им было предложено несколько классификаций и толкования. Во-первых, историческое и аллегорическое; во-вторых, художественное и нехудожественное [см.: 10, с. 53-60]. Ф. Шлейермахер в отношении последней пары

указывал, что их различие состоит в том, что «одно хотят понять точнее другого» [10, с. 60].

Во многом последнее положение отражает авторскую культурологическую концепцию существования двух форм замещения: полный заменитель – субститут, неполный заменитель – эрзац. Она применима и к филологии. Слово, как указывал А.Р. Лурия, имеет одной из функций – замещение, представление предмета [6, с. 37]. Соответственно, оно может с различной степенью полноты замещать предмет. Нами установлено, что форма субститут используется в деловом, научном стиле, тогда как в художественном с целью создания определенных образов применяется эрзац-форма, распространенной формой выражения которой является метафора. Эрзац-слова, которыми выступают и неологизмы, конструируются и в рамках литературного творчества (словотворчества) (например, лирика футуристов). В просторечии также доминирует последняя форма, поскольку термины, книжная лексика утяжеляют речь, делая ее вычурной и трудно воспринимаемой.

Как можно видеть, потребность в точности или неточности слова, а соответственно формы замещения, определяется условиями, в которых создается текст; характером целевой аудитории; спецификой цели, преследуемой говорящим и пр. То есть в ряде случаев только неточность может являться благом, способствующим решению поставленных задач, и наоборот. Преследование точности иногда порождает неточность – субститут-слова образуют эрзац-текст (например, неоправданное использование большого количества терминов, применение искусственных грамматических оборотов формируют канцелярит).

В детском словотворчестве, образцы которого периодически встречаются в дневниковых записях, эрзац-слова чаще более точно выражают какое-либо явление, свойство и пр. Но если кратко обозначенная здесь авторская концепция сосредоточена на процессе опредмечивания, то теория Шлейермахера – на распредмечивании, выраженном в разных видах толкования.

Важно подчеркнуть: язык детей, включающий в себя различного рода окказионализмы, неологизмы и пр., с позиции культурологии являет собой самостоятельный компонент обыденного уровня двусоставной морфологии субкультуры детства – «детское аргю». Соответственно, чтение взрослым детских дневниковых записей можно интерпретировать как перевод, которому большое внимание уделял Шлейермахер, с одного языка (детский) на другой (современный детский или взрослый). Но вариант перевода взрослого будет отличаться от детского, что определено различием человеческих индивидуальностей, как утверждал философ [1, с. 63].

Иногда помощь в процессе понимания оказывают волонтеры, работавшие с текстом, или сами авторы дневников, передавшие рукописи. Около определенных слов или их обрывков, а также пробелов в тексте можно увидеть специальный значок, при нажатии на который появляется комментарий. Так, в дневнике А. Базулина в записи от 19 июля 1991 г. есть предложение: «Я читаю хранителей». В 2017 г. автор пояснил: так он кратко обозначал название первой книги

трилогии «Властелин колец» – «Хранители кольца» (многие современные читатели используют другой вариант перевода – «Братство кольца»).

Как подчеркивает Р.М. Габитова, Шлейермахер акцентировал внимание на том, что в общей герменевтике необходимо не сосредотачиваться на отдельных моментах непонимания, а решать задачу в целом, в специальной герменевтике – обратный принцип [1, с. 62]. Философ замечал, что герменевтика представляет собой множество отдельных специальных герменевтик, являющихся некоторыми суммами наблюдений, но не существует в «общей форме» [10, с. 41]. И он особо подчеркивал: герменевтика – не искусство изложения понятого, это искусство самого понимания [10, с. 41]. В.Г. Кузнецов указывает: понимание познающего субъекта при этом должно быть на порядок выше, чем понимание самим познаваемым субъектом себя и своего труда [4, с. 44].

Общие же свойства разных герменевтик целесообразно представить не некой отвлеченной системой перечислений, а показать на примере культурологической герменевтики (чаще употребляется термин «герменевтика культуры»), что послужит очередным доказательством универсальности концепции Шлейермахера.

Дневник, выступающий феноменом культуры, являет собой уникальный источник информации о самом субъекте – его авторе, эпохе, территории и пр. С позиции культуры повседневности он аккумулирует в себе данные о культуре еды, отношений, отдыха и пр.

Дневниковая запись, представляющая собой письменную речь, включает три интерпретации сущности самой герменевтики, обозначенных Шлейермахером: изложение своих мыслей (понимание себя); пересказ чужой речи другому лицу (понимание другого); понимание чужой речи, выступающее как звено между первым и вторым [10, с. 41]. Определенное автором дневника знание распредмечивается его читателем. Чем ближе второму идеи, позиции первого, тем успешнее процесс. Шлейермахер видел одной из основ понимания общее и различное между людьми. Второе как раз и порождает потребность в герменевтике. Но оно должно быть обязательно в сочетании с первым, ибо в противном случае не было бы самого вопроса о понимании.

Чтение дневниковых записей также исходит из данного универсального принципа. Различными могут быть социально-экономические, политические, культурные условия существования каждого субъекта. А к точкам соприкосновения можно отнести – язык (русский), статус – ребенок, роль – дочь / сын, частично общие права, обязанности, желания, стремления, потребности и пр. Например, желание играть. Так, П. Ребиндер, девятилетний школьник, в дневнике 29 ноября 1909 г. (16 ноября по н.ст.) с радостью писал, что он играл с детьми в горелки и ловитки (салки – С.Е.). Если перейти от общей герменевтики к специальной – филологической, то по слову «ловитки» можно с большой долей вероятности установить, где проживал мальчик на момент сделанной записи. Согласно словарю «Языки русских городов», данная лексема характерна для Крыма, Дагестана, Азербайджана и Дона [5]. Дальнейший анализ дневника показы-

вает наличие таких топонимов как Дарсан, парк Эрлангера и др., что указывает на г. Ялта (Крым).

Следует отметить, что некоторые детские дневники помимо текста содержат и иллюстративный материал, который также требует интерпретации. Например, упоминавшийся ранее дневник Андрея Базулина (род. 1981), который он вел в 1991-1993 гг. Рисунки являются объектом исследования специальной герменевтики, в частности, культурологической. Визуальный объект также представляет собой текст, который в совокупности с записями (текстом в его традиционном значении) и иными сопутствующими элементами (например, газетными вырезками, фотографиями и пр.) образует дневник как гипертекст в культурологическом значении.

Р.М. Габитова, интерпретируя концепцию Шлейермахера, резюмировала: средой понимания является язык, а его условием – отношения тождества и различия [1, с. 63]. При этом язык выступает выражением мышления, через слово опредмечивается мысль. Но искусство речи, инициирующее потребность в искусстве понимания, по мнению философа, появляется в том случае, когда «мыслящий сочтет необходимым закрепить мысль для себя самого» [10, с. 43]. Думается, что закрепление может принимать форму, в том числе дневниковой записи. Шлейермахер считал, что понимание речи возможно двумя путями: во-первых, через знание об историческом обществе, как носителе языка; во-вторых, через знание о самом языке [10, с. 44].

В концепции Шлейермахера отводится особая роль познающему субъекту, деятельность которого направлена на понимание, но определяющее значение имеют личностные особенности автора некоего текста, как культурного феномена [1, с. 66].

Шлейермахер в связи с этим выделял два метода герменевтики – грамматический и психологический. В настоящее время данная методология ставится под сомнение, но тем не менее философ ее считал основополагающей. Первый определяется «духом языка», второй – «душой говорящего». При этом их существование возможно только в синтезе. Шлейермахер доказывает это суждение через невозможность одновременной данности совершенного знания языка (для грамматического метода) и человека (для психологического метода), виду чего требуется переход от одного к другому [10, с. 48].

В своей работе философ последовательно показывает условия превосходства одного над другим: 1) если язык выступает средством трансляции мыслительных процессов, то на первый план выступает психологическое толкование; 2) если язык – условие мышления, то грамматическое толкование [10, с. 46].

Шлейермахер в «Герменевтике» предлагает оценивать речь. Крайними точками условного отрезка принимается нулевая и абсолютная ценность. Вторую оценку имеет речь классическая, оригинальная, гениальная. Первой – обладает повседневная речь, в частности, к ней относятся разговоры о погоде [10, с. 50-51]. С последним суждением в рамках культурологической герменевтики нельзя полностью согласиться, поскольку для культуры повседневности, значимость которой стала признаваться не так давно, также как и культура провинции (тер-

мин «областные культурные гнезда» введен Н.К. Пиксановым в конце 1920-х гг. [8; 3, с. 16]), и этот элемент является ценным. Значимо, как говорили о погоде, какие употребляли метафоры, сравнения и прочие литературные тропы, насколько экспрессивна оценка того или иного природного явления, отношение к нему автора дневника, возможные ассоциативные связи, воспоминания и пр. Все это выражается посредством речи, которая, кроме того, будет отличаться в зависимости от сословной принадлежности (дореволюционный период), статусной и ролевой принадлежности. Очевидно, что в детских дневниковых записях речь ребенка, выросшего в семье интеллигенции, и ребенка, воспитывавшегося в семье рабочих, будет существенно различаться. Более того, территориальная принадлежность также выступает важным условием (например, московская интеллигенция и саратовская) формирования языковой среды.

В упоминавшемся дневнике Петра Ребиндера (1898-1972), который он вел на протяжении нескольких лет в детстве (представлены тетради, датируемые 1907, 1908, 1909 гг.), ряд записей посвящен именно погоде:

Как можно заметить, записи П. Ребиндера предельно лаконичные. В своем дневнике он часто пишет о погоде, поскольку в случае дождя, ветра он не имел возможности выйти на улицу погулять с ребятами. Сегодня ребенку-читателю эта проблема также знакома. И несмотря на временную дистанцию в 111 лет он будет *понимать* переживаемые чувства; недоразумений (по Шлейермахеру) здесь не возникнет. Но выявляется иная проблема: несоответствие уровня эмоционального напряжения между автором дневника и его читателем-ровесником, поскольку в цифровую эпоху дети уже не так сильно стремятся выйти на прогулку, пообщаться с другими ребятами, ибо сама коммуникация может осуществляться через гаджеты с соответствующим программным обеспечением, не покидая дома. Многообразие развлекательных, научно-популярных и пр. ресурсов позволяет ребенку максимально заполнить время. Плохая же погода в ряде случаев воспринимается как удача, поскольку родители не будут настаивать на необходимости прогулки. Если раньше не могли родители увести ребенка с улицы домой, то сегодня наоборот – из дома на улицу.

Таким образом, формируется недоразумение, уровень критичности которого будет прямо пропорционален удлинению временной дистанции между автором дневника и его читателем.

Б.В. Марков в работе «Люди и знаки» в рамках вопроса о соотношении теории коммуникации и герменевтики отметил, соглашаясь с Х.-Г. Гадамером, что в процессе понимания происходит самоизменение человека, обусловленное, в частности, необходимостью приобщения к истории [7, с. 71].

Таким образом, детские дневниковые записи являют собой гипертекст в культурологическом смысле, который может быть прочитан в рамках герменевтического подхода. В этом случае целесообразно говорить не о чтении как таковом, а о переводческой деятельности – с языка детей-авторов дневника на современный язык взрослых (конвенциональный язык) или детей. При этом оба варианта прочтения-перевода будут различаться. Это обусловлено различием человеческих индивидуальностей, о чем писал Шлейермахер, принципы универ-

сальной герменевтики которого, отраженные в специальных герменевтиках, исходят из концепции не столько понимания, сколько непонимания.

Литература

1. Габитова Р.М. «Универсальная» герменевтика Фридриха Шлейермахера // Герменевтика: история и современность. М.: Мысль, 1985. С. 61-96.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. Гревс И. История в краеведении // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 2. М.: Профиздат, 1991. С. 5-22.
4. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: МГУ, 1991. 192с.
5. Ловитки // Академик [Электронный ресурс]. URL: https://urban_dialects.academic.ru/156/ловитки (дата обращения: 10.10.2018).
6. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: МГУ, 1979. 320 с.
7. Марков Б. В. Люди и знаки. Антропология межличностной коммуникации. СПб.: Наука, 2011. 667 с.
8. Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М.; Л.: ГОСИЗДАТ, 1928. 148 с.
9. Поиск по авторам и дневниковым записям // Прожито [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhito.org/persons?age=6&ageTop=13> (дата обращения: 15.09.2018).
10. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский Дом, 2004. 242 с.
11. Это «Прожито» не зря!: беседа с историком Михаилом Мельниченко – создателем поразительного сайта личных дневников россиян XX века // Родина. 2018. № 8. С. 42-53.

Исполнительская мобильность в музыкально-педагогической практике

Корчагина Н.В., Саратов

к. пед. н., доцент кафедры
музыкально-инструментальной подготовки,
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

Статья посвящена рассмотрению проблемы мобильности и её специфике в музыкально-исполнительской и музыкально-педагогической практике. Автор рассматривает данное явление в исторической ретроспективе и его современные особенности. В статье анализируются возможности формирования исполнительской мобильности в процессе подготовки будущих учителей музыки в вузе.

Ключевые слова: исполнительская мобильность, музыкальная педагогика, музыкальное просвещение, высшее образование.